

Мария Вячеславовна АХМЕТОВА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Москва, пр. Вернадского, 82)

E-mail: malinxi@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2543-9349>

О предложно-падежных конструкциях в микроурбанонимии / эргонимии: русские номинации типа («)У / у N(»)

Аннотация

В статье рассматриваются предложно-падежные конструкции, построенные по модели «У N_{Gen}», бытующие в русской эргонимной и микроурбанонимной номинации в «гостевом» значении. Ставится вопрос о времени появления таких онимов в русском языке (если в обиходной речи они бытовали еще в середине XX в., то в официальном эргонимиконе они утвердились в 1990-е гг.). Согласно авторской гипотезе, подобные названия, с одной стороны, восходят к обиходному русскому узусу, в котором имя (символического) владельца заведения метонимически заменяло обозначение самого заведения («ходить к N», «обедать у N» и т. д.), а с другой — наследуют европейской ономастической традиции (ср. названия типа нем. «Zum N», фр. «Chez N», чеш. «U N» и т. д.). Особое внимание уделяется синтаксическому варьированию в речи таких названий, обусловленному затрудненностью их использования в косвенных падежах без родового слова — обозначения статуса заведения (*кафе, гостиница, магазин* и т. д.); приводятся гипотетические параллели из области других ономастических разрядов (идеонимов). Отдельную проблему представляет оформление рассматриваемых номинаций на письме (использование кавычек и прописных / строчных букв), обусловленное рефлексией по поводу того, что именно является собственным именем. Рассматривается ряд примеров звуковых экспедиционных записей и комментариев к ним интервьюеров, а также основанных на полевых данных лексикографических описаний; ставится вопрос о том, в какой мере и в каких случаях оправданно вычленение модели «У N_{Gen}» как инвариантной для неофициальных названий подобного рода. Высказывается предположение о том, что данная модель может конструироваться исследователями (или респондентами) как инвариантная в силу языковой рефлексии, обусловленной знанием прецедентных текстов из литературы и современного официального ономастикона.

Ключевые слова

микроурбанонимы; эргонимы; ресторонимы (названия заведений общественного питания); неофициальная ономастика; синтаксическое варьирование; языковая рефлексия

Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

© Ахметова М. В., 2025

Благодарю И. Ю. Баранова, А. С. Башарина, В. И. Беликова, П. С. Куприянова, А. Л. Лифшица, Е. В. Маркасову, В. А. Мильчину, Р. В. Разумова, Т. П. Романову, И. А. Седакову, Д. В. Сичинаву, В. И. Супруна и Я. Г. Тестельца за полезные консультации и плодотворное обсуждение изложенной в статье проблематики.

Для цитирования

Ахметова М. В. О предложно-падежных конструкциях в микроурбанонимии / эргонимии: русские номинации типа («)У / у N(» // Вопросы ономастики. 2025. Т. 22, № 1. С. 178–202. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2025.22.1.007

Рукопись поступила в редакцию 05.08.2024

Рукопись принята к печати 04.10.2024

Maria Vyacheslavovna АХМЕТОВА

PhD, Senior Research Fellow, Center for Theoretical Folklore Studies, School for Advanced Studies in the Humanities, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadsky Ave., 119571 Moscow, Russia)

E-mail: malinxi@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2543-9349>

On Prepositional-Case Constructions in Urban Micro-toponymy / Ergonymy: Russian Names of the («)U / u N(»-type

Abstract

This paper discusses Russian prepositional-case constructions “UN_{Gen}” (‘At N’s_{Gen}’, e.g., *U Palycha* ‘At Palych’s’) with ‘guest’ semantics in ergonymy and microurbانونymy. It also looks at when such onym forms emerged in the Russian language. While they were still in everyday use in the mid-20th century, they became more firmly established in the official ergonymicon in the 1990s. The author suggests that these names are rooted in everyday Russian discourse, where the name of the (symbolic) owner of an establishment was metonymically used to refer to the establishment itself (e.g., “to visit N”, “to dine at N’s”). At the same time, these names are influenced by European onomastic traditions, such as German “Zum N”, French “Chez N”, and Czech “UN”. The article also explores the syntactic variation in their common usage, particularly the oblique cases where the generic term for the establishment (e.g., café, hotel, shop) is missing. The author draws parallels from other onomastic categories, such as ideonyms. The written form of these names is another key issue, especially considering the use of quotation marks and capitalization, which reflect ongoing debates about what constitutes a proper name. The article includes examples from field recordings and interviewer comments, as well as lexicographical descriptions based on fieldwork data. It also examines to what extent the “VN_{Gen}” (‘At N’s_{Gen}’) model can be seen as a standard form for unofficial names. The author suggests that this pattern may have been developed by researchers or respondents as an invariant form, influenced by knowledge of precedent texts from literature and contemporary official onomastics.

Keywords

micro-urbanonyms; ergonyms; restauronyms (names of food outlets); unofficial onomastics; syntactic variation; metalinguistic reflection

Acknowledgements

The article is part of the state assignment research program of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

The author would like to thank I. Yu. Baranov, A. S. Basharin, V. I. Belikov, P. S. Kupriyanov, A. L. Lifshits, E. V. Markasova, V. A. Milchina, R. V. Razumov, T. P. Romanova, I. A. Sedakova, D. V. Sichinava, V. I. Suprun, and Ya. G. Testelet for their valuable consultations and productive discussions of the issues presented in the paper.

For citation

Akhmetova, M. V. (2025). On Prepositional-Case Constructions in Urban Micro-toponymy / Ergonymy: Russian Names of the (“)U / u N(”)–type. *Voprosy onomastiki*, 22(1), 178–202. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2025.22.1.007

Received on 5 August 2024

Accepted on 4 October 2024

Исследователи неофициальной русской микроурбанонимии, работающие с полевым материалом, зачастую сталкиваются с номинативными обозначениями, включающими сочетание предлога с собственным именем или апеллятивом, наподобие «V N_{Gen}», «B N_{Loc}», «За N_{AbI}», где N — объект, отношение к которому выстраивается в рамках номинации. Подобные конструкции нередко позиционируются исследователями (а иногда и респондентами) как самостоятельные собственные имена. В этой статье я сосредоточусь на неофициальных микроурбанонимных или эргонимных (а скорее микроэргонимных либо псевдоэргонимных)¹ конструкциях с предлогом у, имеющих по преимуществу «гостевое» значение (N в них обозначает реального или символического владельца именуемого объекта либо то, что условно можно назвать маскотом² объекта), и на их примере предприму попытку продемонстрировать неочевидность их ономастического статуса (по крайней мере его нестабильность). Вероятно, наблюдения по поводу функционирования таких номинаций так или иначе можно распространить на предложно-падежные

¹Р. В. Разумов в исследовании по теории урбанонимии разграничивает, с одной стороны, микротопонимы и урбанонимы (в частности, по принципу естественной vs искусственной номинации, отсутствия vs наличия документальной фиксации и т. д.) и предлагает в качестве обозначения неофициальных единиц городского онимического пространства термин *микроурбаноним* [Разумов 2022: 55–57]. С другой стороны, разграничение урбанонимов и эргонимов является отдельной проблемой в ономастике, см. обзор с выводом о безусловном различии этих разрядов [Там же: 58–74]. Исходя из предложенной теории, отсутствие таких признаков, как рекламная функция, свободное повторение в пределах одного населенного пункта для обозначения одинаковых типов объекта и свободный перенос с одного объекта на другой по воле владельца объекта [Там же: 73–74], не позволяет однозначно рассматривать «народные» названия магазинов, предприятий общепита и т. д. как эргонимы.

²*Маскот* <англ. *mascot*, фр. *mascotte* (обычно переводится на русский язык как «талисман») — персонаж или предмет, символизирующий определенное сообщество, мероприятие или бренд.

микроурбанонимы и эргонимы вообще с любыми предложениями, однако модель «У N» была выбрана в качестве объекта исследования по причине ее специфического положения в русском ономастиконе.

Приведу пример из воспоминаний москвича, где символическим владельцем или маскотом распивочного заведения оказывается кошка, наличие которой было значимо для посетителей:

[В Москве на рубеже 1960–1970-х годов] была пивная, которая называлась в народе «У кошки Жанны». <...> Там баба торговала пивом, и у ней была кошка Жанна. <...> И иногда она начинала беспокоиться — куда делась Жанна? И она, значит, выходила <...> и начинала кричать: «Жанна! Жанна! Жанна!» И вся очередь расходилась вдоль забора и кричала: «Жанна! Жанна! Жанна!» <...> Пока Жанна не вернётся, пиво не будут давать (БВИ-001, муж., 1950 г. р., Москва, записала М. В. Ахметова, 2018 г.) [АНИР].

Казалось бы, осмысление подобных номинаций не составляет проблемы: модель, в рамках которой образован неофициальный оним, воспроизводит таковую, свойственную для онимов вполне официальных, закреплённых уставными документами и/или вывесками. Действительно, предложно-падежная модель «У N» (или «[Статус объекта] у N») широко распространена в обозначениях предприятий сферы обслуживания — чаще всего связанных с общественным питанием (кафе, ресторанов, рюмочных и т. д.), а также магазинов (например, «У Палыча» — торговая компания, имеющая сеть одноимённых продуктовых магазинов в разных регионах России), мастерских (велоремонтная «Мастерская у Антонио», Москва), гостиниц («У капитана», Москва) и т. д.³ Распространение подобных названий постоянно отмечается ономатологами, обращающимися к современной эргонимии. Так, Хоанг Тхи Хонг Чанг, рассматривая названия московских кафе и ресторанов, по данным на 2018 г. выявляет 39 таких названий, в частности указывающих на «принимающую сторону» — «конкретное» («У Георгия») или «символическое» лицо («У Швейка») — и совмещающих указание на «принимающую сторону» и на место расположения (например, «У Гоголя» — рядом с театром им. Гоголя) [Хоанг Тхи Хонг Чанг 2018: 65].

Время появления подобных номинаций представляет собой отдельный вопрос. И. В. Крюкова и О. В. Врублевская, справедливо отмечая их широкое распространение в последние десятилетия, характеризуют модель «У + имя / отчество реального или вымышленного хозяина в род. п.» (наподобие «У Татьяны», «У Михалыча») как дореволюционную, в 1990-е гг.

³ Данные получены в результате поиска в интернете в 2024 г.

вернувшуюся в эргонию; таким образом, эти названия являются «ностальгическими» [Врублевская 2017: 189], формирующими «своеобразный ретро-стиль» [Крюкова 2007: 125]. Однако обращение к материалам дореволюционной российской эргонимии не свидетельствует о популярности таких конструкций. Так, в Санкт-Петербурге / Петрограде рестораны начала XX в., названия которых включали имена владельцев, скорее именовались по модели «[Статус объекта] N_{Gen}» (без предлога у; например, *Кафе-ресторан А. И. Зееста* [Демиденко 2011: 89]). По той же модели (а также по модели N_{Nom}), в том числе с дополнением, указывающим на родственную связь, образовывались названия магазинов в Самаре середины XIX — начала XX в.: *Москательный магазин Маскевича, Торговый дом Ивана Александровича Дудкина С[ыновья] и Внук; Московский магазин Саниных; Торговый дом «М. Л. Боberman с С[ыновья]ми»; Фабричное торговое товарищество братьев Крестовниковых; «Давид Егорович Думлер Н[аследни]ки»* и т. д. [Романова 1997]. Аналогичным образом функционировали названия гостиниц и ресторанов Владивостока в начале XX в.: *Номера Ефимова, Отель В. Н. Романова*⁴ [ГРСВ: 9–10]. В богатом, хотя и не всеобъемлющем фотографическом материале, представленном в [НРМ], на московских вывесках мы также не найдем названий заведений, образованных по модели «[Статус объекта] у N». Не выявляются они и при анализе справочников «Вся Москва» и «Весь Петроград» (для примера взят 1917 г.). Единственный тип источников, где удалось обнаружить такие формулы, — это выходные данные на печатной продукции по крайней мере первой половины — середины XIX в. (например, с фамилиями концессионеров московской Университетской типографии: «У Люби, Гария и Попова» в [Шаликов 1805]), калькирующие аналогичные описания на европейских языках (лат. «*Apud N*», нем. «*Bei N*», фр. «*Chez N*») и по сути эллиптические (имеется в виду «отпечатано в издательстве / типографии N»), но их ономастический статус является отдельным вопросом.

Если же говорить о бытовавших в дореволюционной России именно неофициальных названиях кабаков, трактиров, харчевен, ночлежек и т. д., мы не найдем этой модели в таких важных текстах, которые репрезентируют повседневность представителей разных сословий — завсегдатаев подобных заведений (и в том числе содержат неофициальные названия заведений), как художественный роман В. В. Крестовского «Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных» (1867) и сборник публицистических очерков В. А. Гиляровского «Москва и москвичи» (1926).

⁴Подобные модели могли калькироваться на национальных языках народов, населявших Российскую империю (например, на татарском [Амирова 2012]).

Разумеется, все это не говорит о том, что таких названий в Российской империи вовсе не существовало, но как минимум не свидетельствует об их широком распространении до революции (хотя в то же время не позволяет исключить, что современные номинаторы воспринимают их именно как ностальгические).

Наряду с этим можно с уверенностью говорить о бытовании в узусе XIX — начала XX в. предположно-падежных речевых конструкций с именем владельца заведения, метонимически заменяющим обозначение объекта, хозяином которого тот является. Ср. пушкинское «На досуге отобедай / У *Пожарского*⁵ в Торжке» [Пушкин 1977: 316] (имеется в виду гостиница Пожарских), совет дипломата Игнатьева «поместиться в гостинице (у *Муссе* или другой, на модной улице)» (Н. П. Игнатьев. Походные письма 1877 года) [НКРЯ] или многочисленные примеры из «Москвы и москвичей» Гиляровского, например о трактире, который в конце XIX в. имел вывеску «*Большой Патрикеевский трактир*» (и внизу «скромно»: «И. Я. Тестов»), сменившуюся «во время японской войны» на «*Ресторан Тестова*» [Гиляровский 1981: 227, 120]: «Старые москвичи-гурманы перестали ходить к *Тестову*» [Там же: 120]; у помещиков и купцов была традиция «пообедать с детьми у *Тестова*» [Там же: 228]; а также «У “*Арсентьича*” было сытно...» [Там же: 236]. В последнем случае кавычками маркировано не название трактира, а гипокористическая форма отчества либо отфамильного прозвища его владельца — купца Михаила Арсеньевича (Арсентьевича) Арсеньева [см. о нем: Варенцов 2011: 777]. Строго говоря, здесь пока еще нельзя видеть собственно эргоним: метонимическое обозначение объекта используется в составе глагольной конструкции «обедать у N», «ходить к N» и т. д. То же можно сказать о случаях, где «У N» представляет собой номинативное предложение (будучи при этом собственным именем иного плана — артионимом или библионимом, характеризующим место действия). Так, известный петербургский ресторан, вывеска на котором, судя по дореволюционным фотографиям [например: PastVu 2015], гласила: «*Ресторанъ “Доминикъ”*»⁶, увековечен в рисунке И. Е. Репина «У Доминика» [ИЕР: 60]⁷ и в стихотворении Н. Я. Агнивцева «У “Доминика”» [Агнивцев 1913: 35–36]. Во всех этих случаях мы видим характерное для узуса соответствующей эпохи обозначение места действия через отсылку к хозяину заведения.

Таким образом, есть основания полагать, во-первых, что современная официальная модель номинации типа «У *Татьяны*», «У *Михалыча*» (как, впрочем, и неофициальная) восходит к метонимической отсылке к имени владельца

⁵Здесь и далее курсив в контекстах мой. — М. А.

⁶Первым владельцем ресторана был швейцарец Доминик Риц-а-Порта.

⁷Другая версия названия рисунка Репина — «Доминик» [МРИ: 312].

в обиходной речи, а во-вторых — что для старого русского эргонимикона она маргинальна и ее источники следует искать вне отечественной традиции.

Действительно, обращение к европейской (в широком смысле) эргонимии показывает, что подобные названия были и остаются⁸ широко распространенными прежде всего за пределами России. Так, в немецком языке «гостевые» онимы с *zum* (предлог *zu* + элемент артикля *dem*) были известны уже в Средние века: например, варианты названия трактира «*Zum roten Beren / Bären*» («У красного медведя») фиксируются с конца XIV в. [Nauwerck & Nauwerck 2018: 37]. Жители России, а затем и СССР узнавали такие онимы из переводной литературы и из прочих источников, где передавались иностранные реалии, ср., например:

V domě *U Štupartů* sežrala před léty kočka dokonce papouška... (J. Hašek, *Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války*, 1921–1923).

<Несколько лет назад в гостинице «*У Штупартов*» кошка сожрала даже попугая...> (Я. Гашек. Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны / пер. П. Г. Богатырева, 1929–1956) [НКРЯ].

И снова надпись «*Hotel zum Goldenen Hirsch*» <Примеч.: «*Отель У Золотого оленя*»> [Кесеги 1963: 90].

Beaucoup de monde à la terrasse de *Chez Francis* (P. Modiano. *Quartier perdu*, 1985).

<На террасе кафе «*У Франсиса*» многолюдно> (П. Модиано. Утраченный мир / пер. Ю. Я. Яхниной, 1989) [НКРЯ].

Разумеется, и способы именования заведений в иноязычных источниках, и способы их передачи на русском языке, и способы графического оформления (использование кавычек и строчных / прописных букв) отличались многообразием (вплоть до того, что формулировка «*ходить к* [хозяину заведения] / *в* [название заведения]» переводилась через модель «[статус заведения] у N»⁹). Однако обращает на себя внимание, что эта модель в XX в.

⁸В ономастических исследованиях с конца XX в. отмечается популярность предложных онимов, например, в эргонимиконе Чехии и других славянских стран. Так, в списке современных пражских ресторанов (с прозрачной для автора исследования мотивацией) названия с предлогом и составляют около половины [Širová 2015: 49–60]. Согласно исследованию [Bouwmeesters 2013], в собранном его автором корпусе названия чешских ресторанов с разными предлогами составляют 27 %, болгарских — 3 %, словацких — 7 %. О распространении «гостевых» номинаций, аналогичных русским «У N», в Болгарии («*При стария капитан*», «*При Никола*» и т. д.) и Сербии («*Код Драгана*», «*Код Капетана*» и т. д.) любезно сообщила И. А. Сedaкова. Кроме того, подобные названия известны в Латвии (наподобие «*Pie Valentīnas*» «У Валентины») [Balode, Bušs 2014] и т. д.

⁹Например, И. С. Татарнинова в переводе (1938) сказки В. Гауфа, входящей в цикл «Александрийский шейх и его невольники...» (1827), передает нем. «in den Goldenen Hirsch (букв. «в [“]Золотого оленя[”]»). — М. А.) das Wirtshaus des Städtchens, zu kommen» как «хаживали и в местную гостиницу “У золотого оленя”» [НКРЯ].

могла восприниматься именно как «иностранная»¹⁰ — в условиях советской ситуации, когда подобные «гостевые» названия в отечественной эргонимии заведомо отсутствовали¹¹. Так, Б. З. Букчина и Г. А. Золотова в статье 1968 г., полемизируя, с одной стороны, с распространенными в прошлом десятилетии «бездушно-канцелярскими» названиями, а с другой — с новой тенденцией давать предприятиям имена, характеризующиеся «мещанской претенциозностью» и прочими издержками «моды», говорят об удачности «наименований в форме предложно-именной конструкции», которые «широко распространены в европейских странах», и, в частности, приводят названия чехословацких кафе «*У Карла Великого*» и «*У чаши*» [Букчина, Золотова 1968: 54]. Чешские и словацкие «гостевые» названия, построенные по модели «U N» (предлог *u* совпадает с русским *у*), как представляется, были особенно хорошо известны в СССР благодаря текстам советских авторов, посещавших социалистическую Чехословакию¹², а также одному из «культовых» для советского читателя литературных произведений — незаконченному роману Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны». С 1920-х гг. роман неоднократно переводился на русский язык; особенную популярность приобрел перевод П. Г. Богатырева, считающийся классическим. Текст буквально пестрит подобными названиями трактиров, кафе, гостиниц, постоялых дворов, борделей и т. д., прежде всего именно в «гостевом» значении (реже — в пространственном): «*У чаши*», «*У Брейшки*» («*У Брейшков*»), «*У мертвеца*», «*У золотого венка*», «*У Кржижиков*», «*У Банзетов*», «*У Штупартов*», «*У кота*», «*У вороного коня*», «*У розы*», «*У Флеков*», «*У милосердных*»,

¹⁰ Показательно, что наиболее известный литературный оним подобного рода, созданный отечественными авторами, — название отеля «*У погибшего альпиниста*» (в финале переименованного в «*У межзвездного зомби*») — появляется в соответствующей повести братьев Стругацких (1969), где действие происходит в условном «западном» мире.

¹¹ Позднесоветские официальные названия кафе и ресторанов «*У самовара*», известные в республиках СССР, в частности в украинских Львове [Стефанишин 1984: 110] и Днепропетровске (устное сообщение Бориса Долгина, 1971 г. р., род. в Днепропетровске), в белорусском Гомеле (с 1987 г.) [ГЭС: 464] и латвийской Юрмале [Лицис 1988: 55], являются не совсем «чистыми» примерами, поскольку здесь скорее речь идет не столько о самоваре как о символическом хозяине или маскоте, а о цитировании известного в исполнении Леонида Утёсова фокстрота 1930-х гг. «*У самовара*». В статье [Букчина, Золотова 1968: 54] упоминается пространственно-мотивированное название кафе «*У телеграфа*», видимо московское; к сожалению, подтвердить существование подобной реальной вывески пока не удалось. Однако учитывая, что в том же ряду приводится название магазина «*Три поросенка*», обусловленное оформлением витрины (а насколько известно, этот оним в советский период не выходил за пределы неофициальной номинации), можно предположить, что речь и здесь идет о сфере вернакулярной эргонимии / микроурбанизации.

¹² Например, в очерке поэта Константина Ваншенкина: «А как прекрасны их (пражских пивных. — М. А.) названия! “У двух котов”, “У трех золотых львов”, “У золотого тигра”, “У трех сердец”, “У медведя”, “У черной лошади”...» [Ваншенкин 1966: 264].

«У Вальшов», «У Буцеков», «У остановки», «У ремизов», «У брабантского короля», «У Монтагов», «У Шугов», «У Коцанов», «У зеленой лягушки», «У Дворжаков», «У Томаша»...¹³

При включении рассматриваемых названий в речь обращает на себя внимание своеобразная синтаксическая особенность, наиболее очевидная в письменных текстах, требующих особого оформления онимов в соответствии с орфографическими и пунктуационными конвенциями (следование которым обусловлено языковой рефлексией пишущего). С одной стороны, речевая экономия, предполагающая в разговорном обиходе (или в текстах, передающих / имитирующих разговорную речь) опущение родового слова типа *магазин, кафе, гостиница* и т. д., влечет за собой неудобное для речи дублирование предложных конструкций (типа «*в "У N"» вместо «в кафе, трактире и т. д. "У N"»), соответственно, происходит слияние. Ср. в классическом богатыревском переводе романа Гашека: «С шести вечера я всегда "У чаши" на Боиште»; «Какое "У чаши" пиво?». С другой стороны, в соответствии с управлением может варьировать сам оним как предложно-падежная конструкция: ср. там же о том же трактире «У чаши»: «пробрался "К чаше"» [НКРЯ]. В случае с переводом Гашека можно предположить, что его автор, знаменитый славист П. Г. Богатырев, стремился передать особенности чешского оригинала, где соответственно представлены формы *u Kalicha, ke Kalichu* (согласно чешской орфографии, без кавычек¹⁴; при буквальной передаче оригинальной пунктуации необходимо было бы писать, например, «я всегда у Чаши» и «пробрался к Чаше», что даже в ситуации до реформы правописания 1956 г. для русского текста было бы проблематичным). Между тем схожие случаи обнаруживаются и в собственно русскоязычных текстах. Например, писательница В. А. Карбовская, рассуждая о названиях магазинов и кафе типа «*Машенька*», пишет, что «не следует говорить: "Пойдем в 'Машеньку'", а лучше "Пойдем к 'Машеньке'"» [Карбовская 1966: 46] (таким образом, кавычки превращают оним-название в обозначение персонажа-«владельца»)¹⁵, а лингвисты, приводящие ее мнение в своей статье, комментируют: «А как удобнее говорить: купил "У Машеньки"» (sic! — М. А.) <...> или

¹³ Симптоматично, что во время проведенного мною в 2023 г. в соцсетях опроса коллег о том, по какому образцу могло бы быть создано название отеля «*У погибшего альпиниста*» из повести Стругацких, шесть человек вспомнили гашековское «*У чаши*» или вообще чешскую номинативную традицию.

¹⁴ На эту особенность мое внимание любезно обратил В. И. Супрун.

¹⁵ Учитывая, что Карбовская предлагает, чтобы в визуальном оформлении соответствующих магазинов и кафе были представлены изображения «хозяев» — «эмблема, марка, герб, как угодно» [Карбовская 1966: 46], можно предположить, что она вдохновлялась информацией о соответствующей европейской традиции, известной из советской публицистики.

в “Машеньке”...?» [Букчина, Золотова 1968: 54] (таким образом, вариантом названия кафе, представляющего собой антропоним в именительном падеже, становится предложно-падежная конструкция). Возможно, Б. З. Букчина и Г. А. Золотова, которым, как мы увидим далее, была известна чешская номинативная традиция и которые, скорее всего, были знакомы с богатыревским переводом «Швейка», следовали передаче таких номинаций именно в этом тексте. Однако такое слияние может встречаться и в ненормированных текстах (соседствуя и с другими формами), ср. комментарий пользователя интернета из Ростова-на-Дону по поводу открывшегося в городе магазина «У Палыча»:

Рекомендация — не ходите к «У Палыча» <...> Хорошо, что не купил торт «Прага» или «Киевский». Я их кушал НАСТОЯЩИЕ. А если бы я их купил «У Палыча» (sic! — М. А.) <...> беда была бы... [Сергей А. 2022].

Подобное оформление на письме слияния предложно-падежных конструкций (особенно если управление внутри номинации совпадает с таковым в случае, когда сама номинация является зависимым элементом), как интроспективно представляется автору статьи, едва ли возможно для названий, выходящих за пределы топонимии. Предложно-падежные идеонимы с самыми разными предлогами в аналогичных случаях (прежде всего не в спонтанной речи и не в художественных текстах, зачастую предполагающих значительную речевую свободу), требуют родового слова типа *книга, картина, фильм* и т. д. Ср.: *«На выставке я остановился “У омута” Левитана», *«“В движении” главную роль играет Хабенский», *«“Перед восходом солнца” Зоценко на полке стоит томик Пушкина», *«Я долго размышлял “Над пропастью во ржи” Сэлинджера» и т. д. При этом такое слияние вполне используется в обиходном узусе (и даже шире), например для обозначения социальной сети «ВКонтакте», название которой включает в себя предлог («читать / писать “ВКонтакте”»¹⁶; графическое оформление в данном случае неважно). Вероятно, это обусловлено тем, что что интернет и его отдельные медиа осмысливаются как некое пространство общения, ср. заголовок статьи в СМИ (2015): «Патриарх Кирилл написал “ВКонтакте” о своей поездке в Барнаул» [ЛАА]. Однако противоречие снимается, если воспринимать (и оформлять соответствующим образом на письме) отдельные существительные и обусловленные ими конструкции — элементы

¹⁶ Впрочем, для обиходной речи в этом случае не чуждо и дублирование предложно-падежного управления. Ср., например, вопрос, заданный справочной службе [Грамота.ру]: «Как правильно говорить: сижу в ВКонтакте или во ВКонтакте?» (консультант отвечает, что здесь лучше «избегать сочетания предлога в и названия ресурса и добавлять родовое слово: в социальной сети “ВКонтакте”, на сайте “ВКонтакте”»).

предложно-падежных онимов — как разговорные в а р и а н т ы этих онимов, ср. гипотетические высказывания: ?«На выставке я остановился у “Омута” Левитана» (если «Омут» — картина «У омута»), ?«В “Движении” главную роль играет Хабенский» (если «Движение» — фильм «В движении»), ?«Перед “Восходом солнца” Зощенко на полке стоит томик Пушкина» (если «Восход солнца» — повесть «Перед восходом солнца»), ?«Я долго размышлял над “Пропастью во ржи” Сэлинджера» (если «Пропасть во ржи» — роман «Над пропастью во ржи»), ?«написал в “Контакте”» (если «Контакт» — соцсеть «ВКонтакте»). Иными словами, вариативность позволяет преодолеть ограниченность использования в речи «сложных» онимов¹⁷. Но, может быть, и в случае с номинациями типа «UN» (официальными или неофициальными) обиходным вариантом названия является именно N, а предлог при изменении управления выходит за пределы онима? Таким образом, синтаксическая связь распадается: свободная синтаксема «UN» как единица, существующая в изолированной позиции «тематически-экспозиционного отрезка», превращается в обусловленную в предикативной позиции («[обедать] у N») [см.: Золотова 2006: 8] — процесс, обратный гипотетическому рождению названий типа «UN» из словоупотребления «обедать у N» и т. п.

Однако если в случае с письменными текстами, особенно литературными, созданными во второй половине XX в. и подвергшимися редактуре с учетом актуальных справочников и пособий по орфографии и пунктуации, передача рассматриваемых обозначений может диктоваться языковой рефлексией автора и/или редактора по поводу того, что именно является собственным именем и как его следует маркировать, то на передачу устной речи, записанной в «поле», зачастую влияет интроспекция собирателя (расшифровщика, публикатора), при этом рефлексия респондента может оставаться за рамками. Допустим, если в случае с упомянутой в начале статьи пивной «У кошки Жанны» респондент, профессиональный лингвист, постфактум подтвердил, что это обозначение воспринималось именно как собственное имя, а в качестве аналогии привел вполне ожидаемый пример из Гашека — пивную «U Kalicha» («У чаши»; при этом, по его словам, возможно было сказать «Пойдем к (кошке) Жанне»)¹⁸, то одних лишь звуковых полевых данных (а письменное оформление здесь вторично по отношению к звучащей речи) для однозначного

¹⁷О затруднительности, хотя и не о безусловной невозможности, использования «длинных собственных имен» (названий художественных произведений) без родового обозначения в падежах, кроме именительного и винительного, см. [Testelefs 2010: 139, примеры 48, 49]; о подобной сложности в связи с эргонимами-репликами и эргонимами-предложениями см. [Шмелева 2017: 17; Вепрева 2019: 175].

¹⁸Личная переписка, 2023 г.

определения соответствующих конструкций как собственных имен не всегда достаточно. Приведу пять примеров, расположенных по мере снижения однозначности. Графическое оформление, выполненное расшифровщиками, для чистоты восприятия здесь и далее в цитатах из звучащих текстов убрано и заменено курсивом; исправлены орфография и пунктуация транскриптов, кроме оговоренных случаев.

(1) [В Москве в 1950–1960-е годы] на углу переулка и Лесной улицы находилась булочная маленькая. Она называлась *у Кочешка*, потому что этот Кочешок был до революции хозяином маленькой пекарни — она и булочная. И, конечно, уже потом Кочешка никакого не было (ЛТВ-001, жен., ок. 1938 г. р., Москва, записала Н. С. Петрова, 2018 г.) [АНИР].

(2) [В Москве в 1940–1950-е годы] была лавка керосиновая, называлась *у Керокоса*¹⁹. Значит, вот Керокос был армянин, как бабушка мне сказала, я его уже не застала, и это называлось *за Керокосом* или *напротив Керокоса* [Интервьюер: То есть был ориентиром таким?] Да, ориентиром (ЧЛА-001, жен., 1944 г. р., Москва, записал П. С. Куприянов, 2018 г.) [АНИР].

(3) [Интервьюер: Ну, магазин *у Павла* знаете, наверное?] *У Павла* — знаю. <...> Этот магазин знаю. Его так и называли — *у Павла*. Потому что там Павел работал <...>, у меня и свекровь всегда говорила, что «пойдём *к Павлу*, возьмём, купим» (жен., 1945 г. р., Старая Русса, 2017 г.) [ЛАА].

(4) *А у Павла* — это был <...> мясной магазин, и там работал Павел. <...> Просто он был мясником и продавал там, он один там всю жизнь работал. Спрашивали: «Где купил мясо?» — «Да *у Павла*». <...> Я в детстве ходила, мама посылала: «Сходи *в магазин у Павла*. *У Павла* [поправляется:] — сходи *к Павлу в магазин* и купи то-то, то-то» (жен., 1959 г. р., Старая Русса, 2017 г.) [ЛАА].

(5) ...продавец, такой «кровь с молоком», стрижка такая женская, с большими усами, довольно толстый, в мясном отделе — и мы [в семье] его прозвали «Бальзак» и поэтому в магазин ходили *к Бальзаку*, вот. Поэтому... «Где купил?» — «*У Бальзакá*». <...> Была такая хитроватая продавщица... ну, она добрая, но она могла обвесить, <...> и мы ее называли «Лисонька». И поэтому тоже: «Где купил?» — «*У Лисоньки*». <...> Вот был хороший овощной. И там был продавец такой — Анатолий Васильич <...>. И его называли Толик. И вот тоже, «капусту *у Толика*...» (SSYu, жен., ок. 1958 г. р., Москва, записала М. В. Ахметова, 2018 г.) [АНИР].

В примере (1), как представляется, номинативный характер обозначения булочной — по имени бывшего владельца — вполне однозначен (хотя вероятен

¹⁹ Так в расшифровке (видимо, под влиянием написания «лавка керосиновая»); очевидно, следует писать *Киракос*.

и эллипсис — опущение родового слова в обозначении заведения: [*булочная*] у *Кочешка*). В примере (2) подобная номинация функционирует в речи респондента наряду с метонимическим употреблением имени владельца в качестве обозначения объекта как ориентира. При этом, учитывая контекст, в котором перечисляются ориентиры, а также фонетические и синтаксические особенности устной речи, неочевидно, «называлась» ли керосинная лавка «У *Керокоса*» (т. е. имела ли она такое неофициальное название в «гостевом» значении) или само место вблизи лавки «называлось» таким образом, т. е. метонимически обозначалось как «у *Керокоса*» в качестве микроурбанонима. В примере (3) сама формулировка воспроизводится в интервью, будучи спровоцирована вопросом интервьюера²⁰, но при этом конструкция «у N_{Gen}» фактически подтверждается словоупотреблением «к N_{Dat}».

Пример (4) — фрагмент беседы с краеведом и режиссером из Старой Руссы Н. Б. Басмановой. На момент интервью она готовилась к съемкам фильма о местных микроурбанонимах, и одним из ее рабочих материалов была карта города, на которую были наклеены стикеры с такими названиями, в том числе «У *Павла*». Приводимая цитата — это комментарий к соответствующей надписи на стикере. Примечательно, что собеседница, передавая речь своей матери, поначалу использует формулировку, однозначно указывающую на закрепленное собственное имя (как будто мать отправляла ее в магазин под названием «У *Павла*»), но затем, видимо ощущая речевую неловкость, оговаривает, что все-таки ее посылали «к Павлу в магазин».

Наконец, в примере (5), несмотря на глагольные конструкции «*ходить* к N», «*купить* у N», которые могут трактоваться в литературе как подтверждение ономастического статуса модели «UN», речь идет, как представляется, прежде всего о номинации продавцов, а не магазинов, т. е. об антропонимах, а не об эргонимах или микроурбанонимах. При этом, например, гипотетическое развитие по линии «продавец по прозвищу *Бальзак* → словоупотребление “купить у Бальзака” → *магазин “У *Бальзака*”» не происходит по той причине, что соответствующий продавец ассоциируется не с магазином в целом, а с отделом (в отличие от упомянутого в примерах (3) и (4) мясника *Павла*, единолично работающего в специализированном магазине и ассоциирующегося с этим магазином).

²⁰К сожалению, интервьюер — автор этой статьи — в тот момент не задумывался о сложном статусе рассматриваемой модели. Возможно, если бы вопрос был сформулирован иначе (например, если бы речь шла о «магазине Павла», «магазине, где работал какой-то Павел» либо если бы респондентам было предложено вспомнить о самом этом Павле), то номинация могла бы отличаться или вовсе не прозвучать.

Еще один примечательный случай — письменный комментарий участника межвузовской фольклорно-антропологической экспедиции в г. Бологое и Бологовский район Тверской области к расшифровке взятого им интервью. В райцентре жили старшие родственники интервьюера, а сам он в детстве часто бывал в этом городе; он проверяет в «поле» известное ему неофициальное обозначение магазина «У батюшки», мотивированное близостью объекта к церкви:

— *Интервьюер*: Магазин-то еще, который у батюшки?..

— Не. У батюшки-то здесь работает магазин (жен., 1925 г. р., Бологое, записал А. С. Башарин, 2009 г.) [АБФАЭ — ЛАА].

Название «у батюшки» (sic!) запомнилось мне еще с конца 80-х благодаря реальному случаю: мой отец привез из Питера бутылку хорошего коньяка <...> Дядька (местный житель. — М. А.) <...> поинтересовался: «Э-вона, хороший коньяк, у батюшки брал?» Мой отец даже растерялся, поскольку основным поставщиком хорошего алкоголя в семье на тот момент был мой дед [который имел доступ к заказам и мог приобретать продукты вне очереди по удостоверению инвалида Великой Отечественной войны]. <...> То есть и тот коньяк был взят в определенном смысле «у батюшки»! Только отец никак не мог понять, откуда этот факт известен дядьке <...>. Пришлось одному признаваться, а другому прояснять топоним [АБФАЭ — ЛАА].

В данном случае интересна не только многозначность слова *батюшка* ‘православный священник’ и ‘отец’, обуславливающая коммуникативную неудачу, но и использование идентичной конструкции, в рамках которой происходит отсылка в одном случае к обозначению магазина по его символическому владельцу (или, скорее, пространственному ориентиру — церкви, которая метонимически означает по священнику-*батюшке*), а в другом — к *батюшке* как отцу упоминаемых в интервью лиц, служащему источником определенных материальных благ. К сожалению, комментатор не передает (и за давностью лет едва ли мог передать), как именно происходило «прояснение», однако обращает на себя внимание, что оним как таковой в этой записи остается за рамками, выявляясь через конструкцию «*брат* [продукт] у N», хотя сам комментатор трактует формулу у батюшки именно как «топоним». При этом, несмотря на осознание им онимического характера этого обозначения, оно написано со строчной буквы, что едва ли можно объяснить орфографической некомпетентностью комментатора, имеющего опыт преподавателя русского языка; видимо, за этим стоит интуитивное восприятие неоднозначного ономастического статуса такого рода конструкций.

Еще один пример нестабильного статуса (равно как и нестабильности самих этих онимов) являет варьирование N / «У N». Так, в Старой Руссе

известна номинация «У Мажора», одновременно являющаяся неофициальным эргонимом — названием магазина (в последнем случае вариант — «Мажор») и хоронимом (обозначением места около магазина и автобусной остановки рядом с ним). Название мотивировано прозвищем местного жителя по фамилии Мажоров, который проводил время у магазина рядом со своим домом [Ахметова 2018: 51]. Обозначения магазина как «Мажор» / «У Мажора» могут варьировать не только в речи одного респондента (ср.: «Мажоров ему фамилия была. Он там жил рядышком, и поэтому так и прозвали — у Мажора. Магазин. <...> Народ местный так и прозвал — Мажор. Точно так же, как вот там в Дубовицах Черепаша называли магазин» — жен., 1945 г. р., Старая Русса, 2017 г. [ЛАА]), но и в краеведческих текстах. Ниже приводится цитата из закадрового текста к документальному фильму Н. Б. Басмановой:

И трудно найти жителя нашего города, не знающего, где находится Мажор. Это тот случай, когда название магазину дали благодаря конкретному человеку — местному жителю Василию Мажорову. <...> Василий постоянно ошивался в магазинчике на улице Красных Командиров <...> Все привыкли к его обитанию в магазине и дали очень точное определение магазину — у Мажора. Позднее район у магазина и даже автобусную остановку вблизи магазина тоже стали называть у Мажора. Хотя вывеска на магазине гласила: «Продуктовый магазин». В настоящее время здесь расположился магазин «Автозапчасти» с вывеской «Мажор (на самом деле Major. — М. А.)! Автозапчасти». Хоть и на иностранном языке, но народное название магазина сохраняется в городской топонимии уже более пятидесяти лет [ГСН: 41:50–43:01].

Впрочем, в данном случае мы, вероятно, имеем дело с влиянием официальной номинации (которая сама по себе двусмысленна²¹).

Учитывая нестабильность соответствующих обозначений, возможно, продуктивным является подход к ним как к фразеологическим онимическим единицам (что, в частности, предлагает Т. Г. Никитина в статье, где вообще неофициальный городской ономастикон рассматривается в аспекте фразеологии, ср.: «Популярны фразеологические наименования, в том числе одновершинные, указывающие на местоположение торговой точки (*У пона* — магазин напротив Любятинской церкви, <...> *У Тимы* — магазин “Тимохин” на Рижском проспекте (владелец А. Тимохин)» [Никитина 2017: 136]). Однако, как мы можем видеть в многочисленных субстандартных словарях, их составители зачастую склонны представлять модель «У N» как инвариантную, даже если

²¹ Вывеска «Major Автозапчасти» не только отсылает к прозвищу Мажор и к соответствующему обозначению места, но и мимикрирует под эргоним *Major Auto* — название подразделения холдинга *Major*, одной из крупнейших в России компаний-автодилеров.

приводимые ими иллюстративные примеры так или иначе противоречат ей или демонстрируют вариативность. Та же Т. Г. Никитина в разделе словаря, посвященном памятникам, приводит обозначение *У Дяди Вовы* с пометой «шутл.» ‘о территории, прилегающей к памятнику В. И. Ленину’ и с примером «У Дяди Вовы теперь паркурщики тусуют...» (запись 2021 г.) [Никитина 2013: 96]²², а в составленном ею совместно с Е. И. Рогалевой словаре приводится полевая запись 2004 г. с игровым переосмыслением названия «Дом услуги» как «У слуги»: «Мы “У слуги” купили <...> пылесос...» [РССПЮ: 253] (здесь конструкция «УN» представлена в виде собственного имени, но, учитывая заголовок статьи — «Слуга», — почему не «у “Слуги” купили?»). В йошкар-олинском словаре при статье «У Карла» дана отсылка — «то же, что *Карла-Марла*»; статья «*Карла-Марла*» в словаре отсутствует, а в качестве примера приводится запись 2006 г.: «У Карла мы пятью компаниями встретились!» [РСРСЛ: 199]; денотат здесь неясен, но обращает на себя внимание то, что для составителей опять же оказываются синонимичными конструкции «УN_{Gen}» и N_{Nom}.

Еще больше таких случаев, где примеры (точнее, свидетельства об известном авторам словоупотреблении либо его реконструкция) не совпадают с номинацией, предложенной в заголовке статьи как инвариантная, находим в смоленском словаре, носящем скорее историко-краеведческий характер²³. Так, в статье «У Даниловны» (о «забегаловке») читаем: «“Ну что, к Даниловне”, — лаконичное организационно-досуговое предложение, отражающее заслуженно уважительное отношение к Нине Даниловне Котовой, которая более 20 лет приветливо встречает и качественно обслуживает свою не всегда безупречную клиентуру» [СНТС: 280]. В статье «У Мажара» (о ныне не существующем Смоленском гуманитарном университете, по фамилии его основателя и бессменного ректора Н. Е. Мажара) — «Чаще всего студенты СГУ так отвечают на вопрос: “Где учишься?”. Возможны и другие формы, например, “К Мажару” — распространённый ответ абитуриентов того же учебного заведения на вопрос: “Куда собираешься поступать?”» [Там же: 281–282]. В статье «У Муси» дается отсылка к «*Мусин ФОК*» (о физкультурно-оздоровительном комплексе «Динамо», по фамилии директора О. А. Мусихина): «“Играем У (sic! — М. А.) Муси” (“У Муси” выделено полужирным и подчеркиванием. — М. А.) — сообщают своим подопечным

²² А почему, собственно, *Д(о)дя Вова* — это не шуточное обозначение памятника или вообще запечатленной им исторической фигуры?

²³ Из троих составителей словаря лишь Д. В. Бутеев является профессиональным филологом; В. Ю. Сергеев — историк, сотрудник музея, А. Г. Сибиченков — краевед, участник городского клуба краеведов «Феникс» (которым с 2019 г. руководит Д. В. Бутеев).

о месте проведения матча смоленские тренеры» [СНТС: 174]. Казалось бы, в случае с ректором Мажаром и *Мусей-Мусихиным* речь идет не об эргонимной или микроурбанонимной, а об антропонимной номинации, т. е. о метонимическом именовании учреждения при помощи фамилии или отфамильного прозвища его руководителя. Кроме того, интуитивно ощущается противоречие: в эргонимной традиции, в частности отечественной, модель «У N» характерна скорее для коммерческой номинации, чем, например, для названий образовательных учреждений и объектов, связанных с физкультурными и оздоровительными практиками. Но есть ли здесь существенная разница с обозначением по отчеству владелицы (или сотрудницы) «забегаловки» *Даниловны*? Приведенный материал не позволяет однозначно говорить о существовании формы «У *Даниловны*» в качестве онима, и неясно, с чем мы имеем дело — с использующейся в речи жителей Смоленска номинацией, оставшейся за рамками словарной статьи, или с реконструкцией соответствующей формы исследователями.

Авторы смоленского словаря вообще тяготеют к умножению сущностей, ср. заголовки «*На бережкѣ*», «*На бережкѹ*», «*На Лѣнинской*» с отсылками соответственно к статьям «*Бережѹк*» и «*Лѣнинский*»; в статье «*На Поляне*» говорится, что «так называют баню № 5», и приводится цитата из источника, из которой следует, что «народное название» учреждения — все-таки *баня на Поляне* [Там же: 175]. Но в данном случае представляется более важным не подвергать критике составителей словаря, собравших уникальный материал, а поставить вопрос: может быть, это тяготение свидетельствует о том, что они, с одной стороны, буквально подчиняются неоднозначному и вариативному материалу, а с другой — рефлексировать соответствующие номинации с точки зрения не только исследователей, но и носителей традиции?

Б. З. Букчина и Г. А. Золотова отмечают, что «наименования в форме предложно-именной конструкции широко распространены в европейских странах. Например, чехословацкие “У воды” (улица в Праге), “На биле Горе”, “Под соколим” (дачные места), “У чаши”, “У Карла Великого” (кафе) очень симпатичны для русского уха, может быть, потому, что соответствуют названиям, искони принятым в русской микропонимике» [Букчина, Золотова 1968: 54]. И здесь следует обратиться к отчасти близкому материалу — предложно-падежным микропонимам как таковым, демонстрирующим, по-видимому, еще бóльшую статусную неопределенность. Исследователи постоянно фиксируют у диалектоносителей такого рода названия²⁴ сельскохозяйственных

²⁴Расстановка строчных / прописных букв в номинациях далее приводится в соответствии с цитируемыми работами.

угодий, участков рельефа и т. д., ср.: *Над Рекой, В Пруды, Под Кручей, На Кручах* (Вологодская обл.) [Рут 1999: 73, 76]; *Под бором, На лугу, За Чистым* (Томская обл.) [Иванцова 2007: 42] и т. д. Подобные конструкции известны и городскому микроурбаникону: ср., например, записанные в г. Новозыбкове Брянской области обозначения скверов, в которых расположены фонтаны, *На фонтане* (с примером «встретимся на фонтане») и части города *За переездом* (с примером «Живу за переездом») [Брыткова 2022: 140–141]. Как отмечает М. Э. Рут на диалектном материале, подобные номинативные единицы зачастую функционируют в речи респондентов стихийно, вне волевого акта наречения. Это еще не собственные имена, а «характеризующие именованья», которые могут стать собственными именами в результате некой социальной потребности. При этом в качестве акта наречения, который превращает номинативную единицу в собственное имя, может выступать «волевое решение», принятое «при непосредственном общении с собирателем (поскольку собиратель на этом настаивает (sic! — М. А.))»; ср. именование сельскохозяйственного угодья по месту расположения — «поле за школой» — и высказывание респондента: «Вот за школой еще есть маленькое полькё, ну, пиши (sic! — М. А.) *За Школой*» [Рут 2003: 121–122].

Исходя из этого важного наблюдения, а также из изложенного материала, можно предположить, что по крайней мере в части случаев респонденты (особенно краеведы с их особой языковой рефлексией), а также иногда исследователи — вслед за респондентами, а также за собственными рефлексией и интуицией — склонны выводить из использования в речи горожан клишированных конструкций типа «*ходить к N*», «*обедать у N*», «*покупать у N*» и т. д. собственные имена типа «*У N*» (даже если в материале ономастический статус конструкций такого типа не эксплицирован²⁵), ориентируясь при этом на прецедентную модель — на существование официальных названий, известных как из литературы («*У чаши*», «*У погибшего альпиниста*»), так и из актуальной ономастической традиции (ср. многочисленные официальные эргонимы и вывески типа «*У Татьяны*», представленные в городском ономастиконе). При этом они зачастую руководствуются теми же мотивами, что имплицитно представлены в статье М. Э. Рут, а именно желанием или необходимостью сделать некое обобщение, выделить определенное собственное имя.

²⁵ Тем более что высказывания типа «*объект называют / называется “У N”*» в силу полисемии глаголов *называть* и *называться* необязательно указывают буквально на существование собственного имени (например, если говорящий спрашивает о возмущающей его ситуации: «Как это называется?» — или констатирует: «Это называется беспредел!» — он не имеет в виду номинацию) [ср.: Ахметова 2022: 211].

Клишированные речевые конструкции типа «*ходить к N*», по всей вероятности, действительно содержат в себе значительный ономастический потенциал²⁶, интуитивно ощущаемый носителями языка вне зависимости от их лингвистической компетенции. П. С. Юстова в статье о современных чешских эргонимах, представляющих собой предложно-падежные сочетания, в частности «у кого-либо» (например, «*U Kopeckých*» ‘У Копецких’, «*U Truta*» ‘У Трута’ — по имени легендарного основателя города) или «у чего-либо» (например, «*U tři korunek*» ‘У трех корон’), видит здесь корни в исторической ситуации — как европейской, так и российской, когда потребители «посещали не просто какой-то ресторан, а принято было ходить к его хозяину или же ресторан связывался в сознании с каким-либо определенным местом»²⁷, и в примечании приводит примеры из русских дореволюционных источников, где посетители ресторанов ходили «к Вольфу», обедали «у Борреля» и т. д. [Юстова 2009: 166–167]. Очевидно, именно такое словоупотребление, наряду с наличием прецедентной модели, служит основанием для появления собственных имен типа «VN» — не только официальных, но и неофициальных.

Наконец, если учесть вариативность таких конструкций и отсутствие их официального закрепления, а также контексты их употребления, возникает вопрос: насколько можно говорить об их безусловном ономастическом статусе? Не могут ли они иногда функционировать в рамках игровой номинации, существующей именно с целью демонстрации названия в рамках анекдотического нарратива²⁸? Так, смоленский краевед А. В. Лапикова пишет о практике горожан выпивать на Шейновом бастионе — рукотворном земляном валу: «На тогдашнем (вероятно, второй половины XX в. — М. А.) языке это называлось сходить в ресторан “Удохлой кошки” (говорят, таковая однажды там была обнаружена)» [Лапикова 2009: 241]. Со ссылкой на этот источник формула «*Удохлой кошки*» включается в смоленский словарь как «топоним», который «относится к площадке на вершине Шейнова бастиона» [СНТС: 304]. К сожалению, доступные современные материалы не позволяют обнаружить контекстов, связанных с подобным словоупотреблением, однако из текста Лапиковой можно заключить, что речь может идти не только (и не столько)

²⁶Предположение о предложно-падежных сочетаниях в рамках конструкций типа «*обедать у N*» (где N — фамилия знаменитого владельца заведения, например *Тестов*) — в противоположность аналогичным конструкциям «*обедать у X*» (где X — известное прежде всего некоему частному лицу имя его родственника или приятеля, устраивающего застолье) как о собственных именах высказывалось Я. Г. Тестельцом в личной беседе (2023 г.).

²⁷Исходя из материала, добавлю: также с неким предметом, символизирующим место (маскотом).

²⁸Ср. подобные речевые практики, связанные с названиями памятников, в [Ахметова 2022].

о «топониме», сколько об игровом обозначении локуса как «ресторана» с соответствующим названием и об обозначении досуговой практики при помощи конструкции «*ходить в ресторан* N» (при этом гипотетически не исключены и «усеченные» формы типа «встретиться у *дохлой кошки*»).

* * *

Нестабильность неофициальных онимических конструкций типа «У N» связана не только с отсутствием их документального закрепления, но и с их широкой грамматической вариативностью, а также с тем, что подобные названия зачастую конструируются в рамках языковой рефлексии, выходясь из словоупотребления типа «*ходить к* N», «*покупать у* N», «*обедать у* N» и т. д.

Из изложенного можно сделать следующие выводы.

1. Глагольные конструкции типа «*ходить к* N», «*покупать у* N», «*обедать у* N» потенциально могут эволюционировать в номинации типа «У N», в том числе благодаря «социальной потребности» в имянарекении, о которой пишет М. Э. Рут [2003: 121–122]. Иными словами, собственные имена могут возникать или реконструироваться (в таком случае форма «У N» позиционируется как инвариантная) из такого словоупотребления, в частности, в результате сознательной рефлексии как носителей языка, так и исследователей, опирающихся на существование прецедентной модели, с одной стороны, существующей в современной урбанонимии, а с другой — известной из литературных текстов.

2. Предложно-падежные номинативные единицы типа «У N» в живой речи варьируют: их синтаксическая структура преобразуется по типу «У N_{gen}» > N_{nom} (впрочем, вероятно и обратное преобразование: N_{nom} > «У N_{gen}»). В основе такой вариативности лежит эллиптическое слияние предложных конструкций (например, «*купил у* N / у “N” / “У N”» вместо «*купил в магазине* “У N”»).

Наконец, ономастический статус номинаций типа «У N» в неофициальном городском ономастиконе оказывается «мерцающим»: он не только неотчетливо осознается респондентами, но и не всегда и не во всех случаях очевиден для исследователей. Как видно из приведенного материала, зачастую их можно одновременно характеризовать и как хоронимные обозначения, т. е. микроурбанонимы, и как эргонимы, хотя и не оформленные документально. При этом, исходя из тенденции современной ономастики четко разграничивать (микро)урбанонимы и эргонимы [см. в частности: Разумов 2022: 73–74], возникает вопрос: верно ли, что одна и та же формула — например, обозначение магазина («)У / у Павла(»), — функционируя в обиходной речи горожан (часть которых однозначно воспринимает и использует его как собственное имя, а часть — едва ли), является микроурбанонимом, а будучи закрепленной

вывеской и регистрацией в ЕГРЮЛ или ЕГРИП, она превратится в эргоним? Ответ на этот вопрос пока открыт и, очевидно, вызывает к дальнейшей разработке теории неофициальной (городской) ономастики.

Сокращения

шутл. шутливое

Источники

- АБФАЭ — архив Бологовской фольклорно-антропологической экспедиции (хранится в личном архиве автора).
- Агницев Н. Студенческие песни. Сатира и юмор. СПб. : Нов. изд-во, 1913.
- АНИР — архив проекта «Народная история России: Общедоступный портал рассказов о городах России». URL: <https://pastandnow.ru> (дата обращения: 04.08.2024).
- Ваншенкин К. Шумавские волки, или 20 лет спустя // Молодая гвардия. 1966. № 5. С. 257–285.
- Варенцов Н. А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое / вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. В. А. Любартовича, Е. М. Юхименко. 2-е изд. М. : Нов. лит. обозрение, 2011.
- Гиляровский В. А. Москва и москвичи. М. : Худ. лит., 1981.
- Грамота.ру : справочно-информационный портал о русском языке. URL: <https://gramota.ru>
- ГСН — Город странных названий : [видеофильм] / реж. Н. Басманова. 2020 // ВКонтакте : социальная сеть. URL: https://vk.com/video703148465_456239048 (дата обращения: 04.08.2024).
- ГЭС — Гомель : энциклопедический справочник / [гл. ред. И. П. Шамякин]. Минск : «Белорус. сов. энциклопедия» им. Петруся Бровки, 1991.
- ИЕР — *Репин И. Е.* У Доминика. Лист из альбома. 1887. Бумага, итальянский карандаш, растушевка. 29,8 × 41. Государственный Русский музей // Виртуальный Русский музей : портал. URL: https://ruseumvm.ru/data/collections/drawings/repin_i_e_u_dominika_1887_r-7896/index.php (дата обращения: 04.08.2024).
- Карбовская В. Скажите, пожалуйста!.. М. : Правда, 1966.
- Кесеги И. Сердце не меняют... : роман / пер. с венг. Е. Тумаркина. М. : Гос. изд-во дет. лит. М-ва просвещения РСФСР, 1963.
- ЛАА — личный архив автора.
- Лапикова А. В. Смоленск. Свидание с городом. Смоленск : Русич, 2009.
- Лицис К. Юрмале — комплексное развитие // Коммунист советской Латвии. 1988. № 2. С. 52–58.
- МРИ — Материалы по русскому искусству. Л. : Изд. Гос. Рус. музея, 1928. Т. 1.
- Никитина Т. Г. Ключевые концепты молодежной культуры : тематический словарь сленга. СПб. : Дмитрий Буланин, 2013.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: ruscorpora.ru
- НРМ — *Сазиков А. В., Виноградова Т. Б.* Наружная реклама Москвы. История, типология, документы. М. : Русский Мир, 2013.
- Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 2 : Стихотворения, 1820–1826. Л. : Наука, 1977.
- РСРСЛ — *Липатов А. Т., Журавлёв С. А.* Региональный словарь русской субстандартной лексики (Йошкар-Ола. Республика Марий Эл). М. : Изд-во ЭЛПИС, 2009.

- РССППО — Никитина Т. Г., Рогалева Е. И. Региональный словарь сленга (Псков и Псковская область). М. : Изд-во ЭЛПИС, 2006.
- Сергей А. [Комментарий] // Яндекс Карты. 02.01.2022. URL: https://yandex.ru/maps/org/u_palycha/16285454761/reviews/?ll=39.618057%2C47.216362&z=15 (дата обращения: 04.08.2024).
- СНТС — Бутеев Д. В., Сергеев В. Ю., Сибиченко А. Г. Словарь неофициальных топонимов г. Смоленска. Смоленск : Маджента, 2014.
- Стефанишин Р. М. Львов: три дня знакомства с городом : путеводитель = Lvov: Three-Day Sightseeing Summary : Guide Book. Львов : Каменяр, 1984.
- [Шаликов К. П.] Путешествие в Малороссию, изданное К. П. Шаликовым. М. : У Люби, Гария и Попова, 1805.
- PastVu 2015 — Дом № 24 по Невскому проспекту после перестройки // PastVu — ретроспектива среды обитания человечества. URL: <https://pastvu.com/p/126629> (дата обращения: 04.08.2024).

Исследования

- Амирова Р. М. Эргонимы, связанные со сферой обслуживания и торговли, как часть эргонимического пространства г. Казани XVII — начала XX вв. // Язык. Словесность. Культура. 2012. № 1. С. 33–46.
- Ахметова М. В. Из неофициальной топонимии Старой Руссы // Живая старина. 2018. № 2. С. 49–52.
- Ахметова М. В. Неофициальные монументонимы: к определению ономастического статуса // Вопросы ономастики. 2022. Т. 19, № 3. С. 195–220. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2022.19.3.037
- Брыткова В. В. Неофициальные топонимы как элемент онимического пространства г. Новозыбкова Брянской области // Русские традиции бытовой лингвокультуры в славянском пограничье : науч. доклады участников Междунар. науч.-просвет. форума (г. Новозыбков, Брянская область, 17–20 мая 2022 г.) / ред. кол.: С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтов, С. М. Пронченко. Брянск : БГУ, 2022. С. 138–147.
- Букчина Б. З., Золотова Г. А. Слово на вывеске // Русская речь. 1968. № 3. С. 49–57.
- Вепрева И. Т. Современный эргонимикон в поиске новых форм выражения // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16, № 4. С. 168–179. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.4.051
- Врублевская О. В. Языковая мода в русской ономастике. Волгоград : Перемена, 2017.
- ГРСВ — Гостиницы и рестораны старого Владивостока (страницы истории) / авт.-сост. Н. Г. Мизь, Т. И. Елисеева. 2-е изд., испр. и доп. Владивосток : Изд-во ТГЭУ, 2006.
- Демиденко Ю. Рестораны, трактиры, чайные... Из истории общественного питания в Петербурге XVIII — начала XX века. М. : Центрполиграф, 2011.
- Золотова Г. А. Синтаксический словарь : репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. 3-е изд., стер. М. : Едиториал УРСС, 2006.
- Иванцова Е. В. Топонимия в идиолексиконе диалектоносителя: состав и источники формирования // Вестник Томского государственного педагогического университета. Сер. Гуманитарные науки (филология). 2007. Вып. 2 (65). С. 41–45.
- Крюкова И. В. Названия российских деловых объектов с точки зрения языковой моды // Этнографическое обозрение. 2007. № 1. С. 120–131.
- Никитина Т. Г. Русская фразеология в регионально ориентированном элективном курсе: принципы отбора и приемы комментирования материала // Международный

- научно-исследовательский журнал. 2017. № 9 (63), ч. 2. С. 134–138. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.63.077>
- Разумов Р. В. Русская урбанонимия: полевая организация, модели номинации, социолингвистические особенности функционирования. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022.
- Романова Т. П. К вопросу о типологии названий торговых предприятий губернского города // Ономастика Поволжья : материалы VII конф. по ономастике Поволжья / отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова, В. И. Супрун. М. : [б. и.], 1997. С. 181–196.
- Рут М. Э. Информант и микропонимическая система (из полевых наблюдений за сбором микропонимии) // Ономастика и диалектная лексика : сб. науч. тр. Вып. 3 / под ред. М. Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 71–76.
- Рут М. Э. Номинация, наречение и имя собственное // Ономастика и диалектная лексика. Вып. 4 / под ред. М. Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 120–124.
- Хоанг Тху Хонг Чанг. Московские рестороны в структурно-грамматическом аспекте // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 427. С. 63–70. <https://doi.org/10.17223/15617793/427/8>
- Шмелева Т. В. Коммуникативные единицы на городских вывесках // Русский язык за рубежом. 2017. № 5 (264). С. 14–18.
- Юстова П. С. Особенности чешских названий предприятий общественного питания (на примере эргоурбонимов г. Трутнова Чешской Республики) // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 38 : сб. науч. ст., посвящ. памяти А. Г. Широковой / редкол. : В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. М. : МАКС Пресс, 2009. С. 161–172.
- Balode L., Bušs O. Two sketches on Latvian names in the economy // Studii și cercetări de onomastică și lexicologie. 2014. An. 7, Nr. 1–2. P. 13–25. https://cis01.central.ucv.ro/revista_scol/site_ro/2014/Onomastica/Laimute%20BALODE,%20OjArs%20BUSS.pdf
- Bouwmeesters V. Chrématonymá v súčasnej bulharčine, češtine a slovenčine // Homo Bohemicus. 2013. Vol. 3–4. P. 39–56.
- Nauwerck A., Nauwerck G. Wirtshausnamen: Verteilung, Herkunft und Entwicklung im schwäbisch-alemannischen Sprachraum. Teil 2 : Herkunft und Entwicklung. Norderstedt : Books on Demand, 2018.
- Sirová B. Názvy pražských restaurací z pohledu onomastiky : bakalářská práce / Jihočeská Univerzita v Českých Budějovicích. České Budějovice, 2015.
- Testeleys Y. Case Deficient Elements and the Direct Case Condition in Russian // Язык и речевая деятельность. 2010. Т. 9. С. 126–143.

References

- Akhmetova, M. V. (2018). Iz neofitsial'noi toponimii Staroi Russy [From Unofficial Toponymy of Staraya Russa]. *Zhivaia starina*, 2, 49–52.
- Akhmetova, M. V. (2022). Neofitsial'nye monumentonimy: k opredeleniiu onomasticheskogo statusa [Unofficial Monumentonyms: Towards the Definition of Their Onomastic Status]. *Voprosy onomastiki*, 19(3), 195–220. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2022.19.3.037
- Amirova, R. M. (2012). Ergonimy, svyazannye so sferoi obsluzhivaniia i trgovlei, kak chast' ergonimicheskogo prostranstva g. Kazani XVII — nachala XX vv. [Ergonyms Associated with the Scope of Services and Trade as Part of the Ergonomic Space of Kazan in 17th — Early 20th Centuries]. *Iazyk. Slovesnost'. Kul'tura*, 1, 33–46.
- Balode, L., & Bušs, O. (2014). Two Sketches on Latvian Names in the Economy. *Studii și cercetări de onomastică și lexicologie*, 7(1–2), 13–25. Retrieved from https://cis01.central.ucv.ro/revista_scol/site_ro/2014/Onomastica/Laimute%20BALODE,%20OjArs%20BUSS.pdf

- Bouwmeesters, V. (2013). Chrématonymá v súčasnej bulharčine, češtine a slovenčine. *Homo Bohemicus*, 3–4, 39–56.
- Brytkova, V. V. (2022). Neofitsial'nye toponimy kak element onimicheskogo prostranstva g. Novozybkova Brianskoi oblasti [Unofficial Toponyms as an Element of Onymic Space of the Novozybkov Town, Bryansk Region]. In S. N. Starodubets, V. N. Pustovoitov, & S. M. Pronchenko (Eds.), *Russkie traditsii bytovoi lingvokul'tury v slavianskom pogranich'e: Nauchnye doklady uchastnikov Mezhdunarodnoi nauchno-prosvetitel'skogo foruma (g. Novozybkov, Brianskaia oblast', 17–20 maia 2022 g.)* [Russian Traditions of Common Linguistic Culture in the Slavic Borderlands: Proceedings of the International Scholar and Educational Forum (Novozybkov, Bryansk Region, 2022, May 17–20)] (pp. 138–147). Bryansk: BGU.
- Bukchina, B. Z., & Zolotova, G. A. (1968). Slovo na vyveske [A Word on a Signboard]. *Russkaya Rech'*, 3, 49–57.
- Demidenko, Yu. (2011). *Restorany, traktiry, chainye... Iz istorii obshchestvennogo pitaniia v Peterburge XVIII — nachala XX veka* [Restaurants, Taverns, Teahouses... From the History of Public Catering in Petersburg in the 18th — Early 20th Century]. Moscow: Tsentrpoligraf.
- Hoang Thi Hong Trang (2018). Moskovskie restoronimy v strukturno-grammaticheskom aspekte [Restauronyms of Moscow in the Structural-Grammatical Aspect]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 427, 63–70. <https://doi.org/10.17223/15617793/427/8>
- Ivantsova, E. V. (2007). Toponimii v idioleksikone dialektonositelia: sostav i istochniki formirovaniia [Toponyms in the Dialect Speaker's Lexicon: Its Structure and Sources]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki (filologiya)*, 2, 41–45.
- Kryukova, I. V. (2007). Nazvaniia rossiiskikh delovykh ob"ektov s tochki zreniia iazykovoi mody [Names of Russian Business Objects from the Point of View of Language Fashion]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1, 120–131.
- Miz', N. G., & Eliseeva, T. I. (2006). *Gostinitsy i restorany starogo Vladivostoka (stranitsy istorii)* [Hotels and Restaurants of Old Vladivostok (Pages of History)] (2nd ed.). Vladivostok: TGEU.
- Nauwerck, A., & Nauwerck, G. (2018). *Wirtshausnamen: Verteilung, Herkunft und Entwicklung im schwäbisch-alemannischen Sprachraum* (Pt. 2). Norderstedt: Books on Demand.
- Nikitina, T. G. (2017). Russkaia frazeologiya v regional'no orientirovannom elektivnom kurse: printsipy otbora i priemy kommentirovaniia materiala [Russian Phraseology in a Regionally Oriented Elective Course: Principles of Selection and Methods of Commenting on the Material]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, 9, 134–138. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.63.077>
- Razumov, R. V. (2022). *Russkaia urbanonimiia: polevaia organizatsiia, modeli nominatsii, sotsiolingvisticheskie osobennosti funktsionirovaniia* [Russian Urbanonymy: Field Organization, Naming Patterns: Sociolinguistic Peculiarities of Their Functioning]. Yaroslavl: YaGPU.
- Romanova, T. P. (1997). K voprosu o tipologii nazvanii torgovykh predpriatii gubernskogo goroda [On the Typology of Names of Trade Companies of a Provincial City]. In R. Sh. Dzharlygasinova, & V. I. Suprun (Eds.), *Onomastika Povolzh'ia: Materialy Sed'moi konferentsii po onomastike Povolzh'ia* [Onomastics of the Volga Region. Proceedings of the 7th Conference] (pp. 181–196). Moscow: [s. n.].
- Ruth, M. E. (1999). Informant i mikrotoponimicheskaiia sistema (iz polevykh nabliudeniia za sborom mikrotoponimii) [An Informant and Microtoponymic System (From Field Observations on Collecting Microtoponymy)]. In M. E. Ruth (Ed.), *Onomastika i dialektnaia leksika* (Vol. 3, pp. 71–76). Ekaterinburg: Ural University Press.

- Ruth, M. E. (2003). Nominatsiia, narechenie i imia sobstvennoe [Naming, Name Giving, and a Proper Name]. In M. E. Ruth (Ed.), *Onomastika i dialektnaia leksika* [Onomastics and Dialect Vocabulary] (Vol. 4, pp. 120–124). Ekaterinburg: Ural University Press.
- Shmeleva, T. V. (2017). Kommunikativnye edinitsy na gorodskikh vyveskakh [Communication Units on City Signs]. *Russkii iazyk za rubezhom*, 5, 14–18.
- Sirová, B. (2015). *Názvy pražských restaurací z pohledu onomastiky* (Bachelor's thesis). University of South Bohemia, České Budějovice.
- Testelet, Y. (2010). Case Deficient Elements and the Direct Case Condition in Russian. *Iazyk i rechevaia deiatel'nost'*, 9, 126–143.
- Vepreva, I. T. (2019). Sovremennyi ergonimikon v poiske novykh form vyrazheniia [Modern Russian Ergonyms: In Search for New Forms]. *Voprosy onomastiki*, 16(4), 168–179. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.4.051
- Vrublevskaya, O. V. (2017). *Iazykovaia moda v russkoi onomastike* [Linguistic Fashion in Russian Onomastics]. Volgograd: Peremena.
- Yustova, P. S. (2009). Osobennosti cheshskikh nazvanii predpriatii obshchestvennogo pitaniia (na primere ergourbonimov g. Trutnova Cheshskoi Respubliki) [Features of Czech Names of Public Catering Companies (on the Material of Trutnov, Czech Republic)]. In V. V. Krasnykh, A. I. Izotov, & V. G. Kulpin (Eds.), *Iazyk, soznanie, kommunikatsiia* [Language, Conscience, Communication] (Iss. 38, pp. 161–172). Moscow: MAKSS Press.
- Zolotova, G. A. (2006). *Sintaksicheskii slovar': Repertuar elementarnykh edinits russkogo sintaksisa* [Syntactic Dictionary: Repertoire of Elementary Units of Russian Syntax] (3rd ed.). Moscow: Editorial URSS.